
СТАТЬИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Том Дисней

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА РОЛЬ ЭМОЦИЙ В РОССИЙСКОМ ДЕТСКОМ ДОМЕ

Со второй половины XX в. на Западе широкое распространение получила политика деинституциализации ухода за детьми-сиротами, в контексте которой детские дома рассматриваются как места эмоциональной депривации, способные причинить значительный вред проживающим в них детям. Тем не менее масштабная институциализация детей-сирот по-прежнему сохраняется во многих странах мира, в том числе в России. Рассматривая роль эмоций в системе ухода за детьми-сиротами, автор статьи вносит вклад в научную дискуссию по двум направлениям. Во-первых, в работе с опорой на психологические теории социальной привязанности прослежено, как макроинституциальная картина социальной поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, (де)конструируется в Европе и России. Во-вторых, основываясь на материалах этнографического исследования, проведенного в детском доме для детей с интеллектуальной инвалидностью, автор статьи исследует значение эмоций в жизни трех групп индивидов, а именно персонала, волонтеров и детей-сирот, а также влияние межличностных отношений на детей, живущих в детском доме. Рассматривая детский дом как гибридное пространство, совмещающее домашнюю и рабочую среды, и опираясь на социальные исследования детства, автор изучает влияние эмоций на жизнь уязвимой категории детей и показывает, как эмоциональные конфликты между персоналом и волонтерами могут воздействовать на организацию ухода за детьми и его качество. Этнографический метод дополняет научную дискуссию о детских домах, в настоящее время локализованную в поле количественных и биопсихологических исследований, в части

Том Дисней – PhD, научный сотрудник, Департамент социальной работы и социальной защиты, Университет Бирмингема, Великобритания. Электронная почта: t.n.disney@bham.ac.uk

понимания рутины этой жизни. Собранные в ходе исследования материалы позволяют заглянуть в закрытый мир учреждений для детей-сирот с инвалядностью и в то же время обрисовывают задачу переустройства пододбных пространств, поставленную перед российским правительством в рамках законодательных изменений последних лет.

Ключевые слова: эмоции, межличностные отношения, институциональный уход за детьми-сиротами, этнографический метод, включенное наблюдение, Россия

DOI: 10.17323/727-0634-2017-15-3-407-420

Введение

Со второй половины XX в. на Западе в отношении социальной поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, проводится политика деинституционализации. Детские дома рассматриваются как пространства крайней эмоциональной депривации, способные нанести значительный вред проживающим в них детям (IJzendoorn et al. 2008). Однако практика широкомасштабной институционализации детей-сирот все еще сохраняется во многих странах мира (Ainsworth, Thoburn 2014).

Несмотря на очевидную ценность количественных исследований, которые связывают слабость физического и психического здоровья детей-сирот с институциональной средой, в которой они живут (см., напр., Rutter et al. 2001), детские дома в них рассматриваются на макроинституциональном уровне, а к эмоциям применяется биопсихологический подход. Игнорируются нюансы микроуровневых взаимодействий между акторами в изучаемых пространствах. Чтобы понять, как устроены детские дома и как они влияют на находящихся в них индивидов, необходимо дополнить эти данные качественными исследованиями повседневной жизни, в том числе этнографическими (Crockenburg 2008; Disney 2015).

В статье я прослеживаю, как макроинституциональная картина социальной поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, (де)конструируется в Европе и России с опорой на психологические теории социальной привязанности, а затем исследую значение эмоций в жизни трех групп (персонала, волонтеров, детей-сирот) и влияние межличностных отношений на детей, живущих в детском доме. Я показываю значимость эмоций в замкнутом институциональном пространстве российского детского дома, чтобы дополнить их современное понимание, а также исследовать роль, которую играют стресс и скука в жизни молодых людей в таких пространствах. Детский дом – уникальное место для изучения эмоций, так как совмещает в себе и домашнее, и рабочее пространство: одновременно являясь домом для детей и рабочей средой для волонтеров и персонала. Это размывает границы между публичным и приватным,

ведь дети одновременно находятся и «дома» и «на виду» – в рабочем пространстве сотрудников и волонтеров, что усложняет дискуссию о таких эмоциях, как страх (Valentine 1997; Pain 2006).

Эмпирическая часть статьи опирается на полевые заметки авторского этнографического исследования и интервью 2011–2015 гг., до реформ социальной политики, в частности до вступления в силу Постановления Правительства РФ № 481 и перехода к «условиям, приближенным к семейным». Исследуются учреждения для детей с задержками в интеллектуальном развитии. Пожалуй, это наиболее уязвимая группа детей, многие из которых остаются под опекой в данной системе в той или иной форме на протяжении всей жизни (Human Rights Watch 2014). Собранные материалы позволяют заглянуть в закрытый мир учреждений для детей-сирот с инвалидностью и обрисовывают задачу переустройства подобных пространств.

(Де)конструирование пространств устройства детей-сирот

Самые ранние примеры учреждений для детей-сирот можно отнести к VII в.: в Италии и Франции появились первые приюты для брошенных детей (O'Sullivan, McMahon 2006). В Великобритании и Западной Европе массовая институционализация детей-сирот стала общепринятой практикой лишь в XIX в. Несмотря на свою повсеместность, воспитательные дома не всегда рассматривались как идеальные пространства для ухода за детьми-сиротами. Это неоднозначное отношение отражается в романах викторианской эпохи, например, у Чарльза Диккенса в романе «Оливер Твист», где поднята тема жестокого обращения с детьми-сиротами в британских институциональных учреждениях XIX в.

Лишь когда в XX в. на Западе стал расти интерес к психологии развития и психиатрии, общественное беспокойство по поводу условий в детских домах вылилось в политику деинституционализации. Большую роль в этом сыграла «теория привязанности» Джона Боулби (Bowlby 1969, 1973, 1980), утверждающая, что для нормального развития ребенку необходим внимательный, эмоционально чувствительный опекун. Критика широкомасштабной институционализации детей-сирот представлена также исследованиями в других дисциплинарных областях, например, в педиатрии и нейронауках. Они показывают, что эмоциональная депривация может иметь как физиологические проявления, так и психологические последствия (Groark, McCall 2011). Сегодня деинституционализация является доминирующей практикой социальной поддержки детей-сирот в большинстве западных стран, а передача ребенка-сироты в приемную семью считается предпочтительнее, чем определение его в специализированное учреждение.

Российские специализированные учреждения для детей-сирот имеют такие же корни, как и западные. Первыми институциями были дома призрения для детей, «рожденных от стыда» (Pantiukhina 2009: 4), организованные

при церквях. Однако в отличие от западных аналогов, в России эти пространства развивались иным образом. Системе учреждений для детей-сирот положили начало советские детские дома, где важнейшую роль играли коллектив и «общественно-полезный труд» (Nikolaev 1990). Как отмечает Страйкер, эти пространства стали рассматриваться как «места гегемонного социального образования, направленные на обучение детей, оставшихся без присмотра родителей, <...> знаниям и навыкам, которые послужат на пользу набирающей силу Коммунистической партии» (Stryker 2012: 87). Это были пространства, регулируемые жесткими нормами, насыщенные культурными и социальными паттернами.

Если на Западе рос интерес к теории привязанности, выдвинутой Боулби, советские психологи разрабатывали собственные концептуальные рамки, где эмоциональной социализации не придавалось большого значения. Эмоции считались второстепенными по отношению к когнитивным функциям, не рассматривались как неотъемлемая составляющая развития ребенка, а представляли собой нечто, подлежащее контролю и сдерживанию до определенной степени (Stryker 2012).

В современной России детские дома разделены на две институциональных ветви: учреждения для детей, считающихся инвалидами (как для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, так и для не-сирот), и учреждения для детей без инвалидности. Поскольку данная статья посвящена изучению учреждения для детей с инвалидностью, остановимся на истории развития детских домов для детей с интеллектуальными особенностями.

Такие учреждения появились в России в XVIII в. наряду с «сумасшедшими домами», распространившимися по всей Европе (Phillips 2009). С приходом большевиков меняется понимание инвалидности; люди классифицируются сообразно их способности к общественно-полезному труду на благо государства. Согласно советской классификации инвалидности, люди с ментальными и физическими «нарушениями» разделялись на три основных категории: неспособные к труду (попадали в учреждения, имеющие медицинское назначение); те, кто поддаются переобучению и впоследствии могут заниматься «легким» или нерегулярным трудом; те, кому необходима «дополнительная социальная поддержка» вследствие «частичной потери трудоспособности» (Phillips 2009). Дети с инвалидностью оказывались в учреждениях, называемых домами-интернатами.

В постсоветской России грань между детскими домами и учреждениями для лиц с инвалидностью истончается, становясь неоднозначной. Когда дети-сироты в три-четыре года покидают дом ребенка, они предстают перед психолого-медико-педагогической комиссией (ПМПК), состоящей из педагога, психиатра, психолога и логопеда. Комиссия оценивает «развитие детей и определяет их либо в обычный дошкольный детский дом, либо в специализированный детский дом для детей с инвалидностью» (Khlinovskaya Rockhill 2010: 198). Определение ребенка как «инвалида» ведет в запутанную инсти-

туциальную сеть; детские дома для детей с нарушениями разделены на восемь категорий учреждений, организованных с целью обеспечения особых нужд ребенка. Дополнительную сложность институциональной системе придает тот факт, что не все дети являются сиротами; родители могут прибегать к этим учреждениям как к механизмам помощи в уходе за ребенком, помещая его в детский дом, но при этом сохраняя родительские права (Schmidt 2009). Таким образом, некоторые дети попадают в систему в результате официального «отказа» родителей, а другие – по причине необходимости серьезного медицинского ухода. При этом юридический статус детей зависит от возможности и желания родителей посещать ребенка в учреждении, и ребенок, изначально имевший родителей, в учреждении может оказаться (социальным) сиротой. Дети с инвалидностью в таких учреждениях представляют собой одну из наиболее уязвимых категорий, находящихся на государственном обеспечении. Часто их обходят стороной при возможности усыновления, и многие до конца жизни остаются в специализированных учреждениях (см. Human Rights Watch 2014). Непростая ситуация с институциональными «домами» подразумевает, что таким детям требуется значительная поддержка со стороны государства.

Отношение к эмоциям и практикам заботы показывает, каким образом происходит культурное конструирование знания в той или иной парадигме, а также насколько велико участие социально-политических сил страны в формировании знания/знаний, впоследствии приносящих осязаемые стратегические и тактические результаты. Культурный и исторический опыт являются важнейшими ориентирами для руководящих кругов и специалистов-практиков, так как им необходимо принимать во внимание микроконтексты советского наследия, чтобы не повторять проблематический опыт западного политического вмешательства (Flynn, Oldfield 2008; Wedel 1998). Этнографическая перспектива выявляет взаимодействия внутри детских домов на микроуровне, ежедневно затрагивающие эмоциональную сферу. Этим взаимодействиям имеет смысл уделить внимание именно сейчас, в период изменения макроинституциональной картины.

Этнографический взгляд на эмоции в сфере социальной поддержки детей-сирот

Статья описывает результаты этнографического исследования, которое я провел в детском доме, где живет более 400 детей с физическими и ментальными особенностями. Этот детский дом классифицируется как учреждение VIII категории для детей-сирот с задержками в интеллектуальном развитии. Учреждение состоит из четырех зданий, в которых в зависимости от тяжести инвалидности размещены дети. Большинство детских домов являются закрытыми институтами, однако данное учреждение представляет собой редкое место, куда можно заглянуть и составить представление

об институциональных пространствах для детей-сирот. Это возможно благодаря тому, что в стенах здания работают две негосударственные НКО, которые привлекают волонтеров к своей работе. Я работал в одной из них вместе с российскими волонтерами.

Участниками моего исследования стали работники детского дома – воспитатели и санитарки, а также волонтеры НКО и сами дети-сироты. Санитарки в основном относились к моему присутствию в учреждении терпимо, однако временами проявляли открытую враждебность. Поэтому интервьюировать их было очень сложно. Иногда они неформально беседовали со мной о детском доме, и именно эти разговоры дали основное понимание того, как построена их работа и что они думают об учреждении. Воспитатели относились ко мне более дружелюбно, но так как я уходил из детского дома с началом их смены, у меня было меньше возможностей наблюдать за их работой. Сотрудники НКО и волонтеры вели себя наиболее открыто и быстро приняли в свой круг, вследствие чего моя идентичность стала размытой – я был и исследователем, и волонтером одновременно. Волонтеры охотно позволяли брать интервью, но нередко использовали его, чтобы выплеснуть накопившиеся обиды. Приехав в детский дом, я надеялся провести интервью и с детьми, однако в группе, с которой я работал, дети не умели говорить (как и во многих других группах), поэтому я не смог не только побеседовать с ними, но и взять согласие на участие в исследовании. По этой причине я рассматриваю детей в своей работе лишь с точки зрения наблюдателя и демонстрирую, каким образом на них влияют эмоциональные коллизии, происходящие между волонтерами и санитарками.

Результаты исследования

Собранные материалы позволяют понять, какое значение имеют эмоции в жизни персонала, волонтеров и детей-сирот. Рассматривая детский дом как гибридное пространство, совмещающее домашнюю и рабочую среды, я анализирую влияние эмоций на жизнь уязвимой категории детей через взаимодействие с каждой из упомянутых групп.

Персонал детского дома

Уход за детьми-сиротами осуществляется как санитарками/нянечками, так и воспитателями. Воспитатели отвечают за социо-эмоциональный контакт с детьми и за игры, однако важно учесть, что они занимаются с детьми лишь с 13:30 до 19:00 ежедневно. Кроме того, на каждую группу детей приходится по два воспитателя, работающих по очереди. Нужно подчеркнуть, что это нормативный стандарт, на практике же ситуация может время от времени складываться иначе, поскольку воспитатели уезжают на праздники, отсутствуют по болезни или вовсе увольняются. К примеру, у одной группы не было воспитателей и никто из персонала не проводил с ней регулярных игр.

Санитарки работают посменно, сутки через двое. Обычно к каждой группе по десять детей приписаны две или три санитарки. Несмотря на то, что эти сотрудницы, пожалуй, находятся в самом тесном контакте с детьми, их задачей не является играть с ними – они лишь одевают, моют, кормят и присматривают. Проходя по коридорам здания, можно увидеть санитарок, сидящих со скучающим видом и наблюдающих, как дети за партами или прямо на полу медленно раскачиваются взад-вперед. Отсутствие эмоциональной вовлеченности со стороны санитарок – довольно типичная ситуация; гораздо реже можно наблюдать, как они пытаются занять детей. Санитарки высоко ценят послушание и покорность. Считается, что дети с инвалидностью неспособны выполнять определенные действия, а, следовательно, они должны оставаться неподвижными, что старается обеспечить персонал. Действительно, движение со стороны детей воспринималось персоналом с раздражением, пресекалось суровыми методами: от социального (крика) до физического (привязывания или побоев) и медицинского насилия (в некоторых случаях чрезмерно активным детям давали седативные препараты). Однако почти всегда дети были сами по себе, при этом многие воспитанники склонны к самоповреждению, что иллюстрирует отрывок из моих заметок:

В игровое время у меня была возможность понаблюдать за некоторыми сотрудниками с другими детьми. Одна сотрудница... поставила музыку и качала под нее головой, а дети бегали вокруг нее. Иногда она контактировала с ними, покрикивая на них или на другую сотрудницу за то, что та не следит за ними достаточно внимательно <...> [в] другой момент маленькая девочка, не старше пяти лет, осталась без присмотра и начала биться головой об пол (Этнографические полевые заметки).

Несмотря на то, что в данном отрывке описано пренебрежение со стороны персонала, не следует считать, что санитарки и воспитатели умышленно оставляли детей без присмотра. Часто они занимались другими делами и не могли присматривать за детьми.

В литературе, посвященной изучению заботы как работы особого рода, часто отмечается значительный уровень стресса, которому подвергаются работники. Особенно это относится к интернатам, условия в которых «характеризуются высоким риском выгорания и усталости от заботы (*caregiver fatigue*), что может стать причиной негативного отношения к воспитанникам» (Vashchenko et al. 2010: 574). Мои материалы показывают, что волонтеры, несмотря на временами напряженные отношения с работниками детского дома, признавали трудности, с которыми сталкиваются последние при выполнении своих обязанностей:

Ну, у них в целом работа тяжелая... каждый день они должны терпеть [детский] крик без причины... дети трудные, никто не знает, что у них в голове. А еще некоторые набрасываются и бьют других детей (Из интервью с волонтером).

В литературе редко уделяется внимание эмоциям, которые испытывают взрослые, работающие в интернатах. Я заметил, что ежедневный опыт работы в детском доме, помимо стресса, включает в себе страх. Чувство страха у персонала по большей части вызвано присутствием волонтеров; некоторые методы контроля (такие, как побои или применение медицинских препаратов) они считали неприемлемыми и докладывали о подобных происшествиях руководству, в результате чего несколько сотрудников было уволено:

Одна волонтерка пошла против персонала и пожаловалась на одну из работниц, ей удалось добиться, чтобы ее уволили, но, говорят, для нее это был неприятный опыт (Этнографические полевые заметки).

Работы по исследованию роли страха в жизни детей часто указывают на способы конструирования угроз в отношении детей в публичных пространствах (Valentine 1997; Pain 2006). Однако в публично-приватной среде детского дома чувство страха, возникающее в результате взаимодействий между персоналом и молодыми волонтерами, имеет другой смысл; в частности, беспокойство по поводу обвинений в насилии становится мощным механизмом, регулирующим поведение членов обеих групп. Для персонала такие ранее легитимные формы контроля, как физическое насилие или применение медицинских препаратов для достижения покорности, стали проступками, из-за которых можно лишиться работы.

Волонтеры

Привлечение волонтеров для работы в учреждении представляло собой попытку решить проблему недостатка социо-эмоционального контакта у детей. Все волонтеры были двадцати с небольшим лет и на момент исследования либо учились в вузе, либо недавно его окончили. НКО предоставляла финансирование, позволявшее волонтерам работать в детском доме ежедневно в течение года. Иногда для волонтеров организовывались тренинги по работе с детьми с особыми потребностями; никто из молодых людей не имел опыта подобной работы до прихода в детский дом. Волонтеры работали с детьми посменно с 9:00 до 14:00, но часто оставались дольше.

Для волонтеров стресс также являлся частью повседневности в детском доме. Молодые люди столкнулись с серьезной ответственностью и необходимостью ухода за детьми с тяжелыми физическими и умственными нарушениями:

У меня просто не было опыта работы с детьми или с чем-то подобным, с телесностью, вот... и трудно еще было то, что в волонтерском сообществе... не говорят об этом между собой, о необходимости работать с телом, они это не обсуждают <...>, это сложно (Интервью с волонтером).

В отличие от персонала детского дома, волонтеры находились в уязвимой позиции. Хотя НКО предоставляет им поддержку, она гораздо менее

существенна, чем поддержка постоянных работников учреждения. Поэтому волонтеры, как и персонал, опасаются обвинений в жестокости:

Двое волонтеров рассказали о проблемах с работниками детского дома и о том, что не знают, как быть... [они] говорили, что боятся какой-нибудь мести со стороны работников, например, что их самих обвинят в насилии над детьми, и поэтому они боятся выступать против работников (Этнографические полевые заметки).

Для волонтеров страх представляет мощнейшую ограничительную эмоцию. Молодые люди не согласны с методами контроля, применяемыми многими работниками, однако часто неспособны жаловаться на жестокое обращение с детьми, так как парализованы страхом, что их самих могут обвинить в насилии. Таким образом, насилие остается безнаказанным.

Конфликты между волонтерами и персоналом стали регулярными в детском доме. Многие волонтеры были недовольны тем, как учреждение ограничивает их возможность контактировать с детьми. В особенности это относилось к использованию определенных помещений, например, столярки (столярной мастерской) и спортивного зала, права на которые предъявляли волонтеры и персонал учреждения. Столярка пользовалась большой популярностью как у волонтеров, так и у детей; в ней проводились занятия по арт-терапии. Отдельно стоит упомянуть, что дети радовались не только занятиям, но и возможности побыть за пределами своих комнат, на время избавиться от надзора санитарок. Столярка стала базой, где волонтеры собирались, чтобы организовывать занятия для детей. В период моей работы волонтером работники детского дома потребовали, чтобы сотрудники НКО освободили столярку. Отрывок из интервью с волонтером показывает, что это воспринималось как демонстрация символической силы со стороны работников:

Исследователь: Тогда почему вы думаете, что есть конфликт?

Волонтер: Ну... это понятно, потому что они отобрали у нас столярку. А если бы мы очень нравились директору, он бы ее не отобрал (Интервью с волонтером).

В литературе о волонтерской работе отмечается, что труд волонтеров подразумевает эмоциональный аспект и направлен не столько на получение денежной или профессиональной выгоды, сколько на достижение социальной справедливости (Griffiths 2014). Вероятно, отчасти конфликт между персоналом и волонтерами проистекает из убеждения, что они видят цели своей деятельности по-разному. Так, по мнению волонтеров, персонал недостаточно вкладывается в работу с эмоциональной точки зрения:

В этом детдоме очень мало людей, которые здесь однозначно из-за того, что хотят быть здесь. В основном это волонтеры и, я не знаю, три процента работников детдома. Вот эти три процента находятся в других

зданиях, ну, тут очень мало людей, которые не только из-за денег, но потому что им действительно нравится их работа (Интервью с волонтером).

Зарплата работников учреждения низкая, волонтеры признают, что детский дом – не лучшее место работы. Однако несомненно то, что образ работника детского дома как эмоционально отстраненного лица, осуществляющего уход, оказывал негативное влияние на взаимодействие волонтеров с персоналом. Эмоциональные столкновения между ними приводили к тому, что силы тратились на конфликт, а не на детей; кроме того, конфликты часто влияли на эмоциональное состояние самих детей.

Дети-сироты

Жизнь в детском доме имеет коллективный характер: по моим наблюдениям, в одном блоке могли проживать до 13 детей. Их пространство представляет собой две соединенных между собой комнаты. В одной из них стоят кровати, шкафы и горшок, а во второй расположены несколько парт или столов и диван, с которого санитарка присматривает за детьми. В шкафах лежат игрушки; благодаря участию НКО в повседневной жизни детского дома, у детей есть отдельные полки для хранения вещей и личная одежда, тогда как прежде все вещи и одежда были общими. Распорядок дня у детей стандартный и монотонный. Без участия волонтеров некоторые группы детей никогда не выходили бы из комнаты – их только водили бы в туалет и мыли.

Эмоциональные коллизии между персоналом и волонтерами гораздо сильнее влияли на детей, чем на других участников исследования: волонтеры и персонал могут покинуть рабочую среду, а дети вынуждены оставаться в своем «домашнем» пространстве. В частности, на детях сказалось ограничение доступа к определенным помещениям, которые они очень любили:

Сегодня меня не пустили в спортивный зал, потому что в нем якобы было очень грязно и не убрано с прошлой недели. Я там не был, и это привело лишь к тому, что ребенок, который со мной был, расплакался, потому что он не может попасть в единственное оставшееся место, где можно поиграть (Этнографические полевые заметки).

Без доступа к таким помещениям дети вынуждены целыми днями сидеть в своих комнатах под наблюдением персонала. Как было отмечено выше, помещения для занятий обладают большой эмоциональной значимостью для детей, ведь здесь они могут отдохнуть от однообразия и постоянного наблюдения:

Когда я прихожу отвести кого-нибудь из детей на прогулку или в спортзал, ну очевидно, что ему хочется выйти из этой комнаты. Потому что там нет ничего интересного, постоянно видишь одно и то же лицо, никто с ними не разговаривает, санитарка просто сидит и сидит там... Могу понять, насколько им там скучно (Интервью с волонтером).

Исторические исследования детских домов в других контекстах показывают, каким образом у детей вырабатывается чувство привязанности – даже в атмосфере жестокости и пренебрежения, вследствие чего бывшие детдомовцы посещают учреждения, где они жили в детстве, несмотря на болезненные воспоминания (Franklin 2014). Как замечает Коррин Франклин:

...места, вызывающие страдание и беспокойство по причине связанных с ними травматических эмоций, становятся значимыми местами привязанности из-за того, что с ними ассоциируются воспоминания и опыт <...> именно привычка, обычай и ощущение чего-то хорошо знакомого являются ключевыми в формировании чувства места (Ibid: 157).

Важную роль привычки и распорядка отмечает в исследовании альтернативных мест обучения в Великобритании Питер Крафтл (Kraftl 2013), указывая, что именно они являются ключевыми элементами, формирующими у детей чувство, что о них заботятся в рамках межпоколенческих несемейных отношений (например, между волонтерами и детьми). Для детей, проживающих в детском доме, такие помещения, как спортивный зал, воплощают передышку в однообразном распорядке институционального учреждения. Посещение этих пространств стало привычным времяпрепровождением волонтеров с детьми-сиротами, в результате чего между ними возникли отношения заботы. Отношение детей к этим помещениям, их радость от игр в спортзале – неотъемлемые аспекты связи, которая появляется между детьми и волонтерами, обеспечивающими детям доступ в эти помещения. Однако временность и нестабильность позиции волонтера представляет собой проблему, важную этическую и практическую дилемму: волонтеры дают детям социальный контакт, в котором последние отчаянно нуждаются; однако уход волонтеров из детского дома неизбежен.

Иногда волонтеры пытались работать с детьми, по своей инициативе нарушая привычную рутину взаимодействия, считая это полезным для ребенка. По мнению персонала детского дома, волонтеры в таких ситуациях усложняли им работу; возникали конфликты, результаты которых отражались на жизни детей:

Они [работники] на меня наорали... и не дали ничего сделать из того, что я собиралась делать с детьми. Они сказали, что этот ребенок должен лежать в кровати, что не надо сажать его в инвалидную коляску, надо кормить его в лежачем положении, ему не надо сидеть за столом... и... у меня в группе были активные дети, которые... ну, ходить они не могли, но могли ползать на коленках (Интервью с волонтером).

Волонтеры часто высказывали мнение, что для персонала их присутствие является раздражающим фактором, мешающим работе, и, помимо этого, работники чувствуют с их стороны угрозу. Агрессивное поведение персонала отнесено на счет этих двух эмоций – раздражения и страха.

В конечном счете за конфликты расплачивались дети, так как и без того короткое время, выделенное им на игры, прерывалось скандалами между персоналом и волонтерами.

Заключение

Базируясь на этнографических данных, статья решает проблему дисбаланса в исследованиях положения детей-сирот: в этой области нормой остаются количественные исследования. Собранные данные не следует рассматривать как основание для критики биопсихологических количественных исследований. Скорее они опираются на результаты этих исследований, предлагая понимание повседневной эмоциональной жизни в институциональных средах. Кроме того, представление детского дома как гибридного пространства, соединяющего в себе рабочее место и дом, публичное и приватное, бросает вызов идеям о роли эмоций в публичных и частных пространствах (Valentine 1997; Pain 2006). Страх оказывается мощной эмоцией, регулирующей отношения между персоналом детского дома и волонтерами. Как следствие, дети-сироты остаются без необходимого им социо-эмоционального контакта, более того, насилие над ними может оставаться безнаказанным.

Важно отметить, что персонал и волонтеры работают в стрессогенных условиях, и это превращает детский дом в чрезвычайно сложное пространство для обеих категорий. Наконец, эмоциональные последствия конфликтов между работниками и волонтерами оказывают влияние и на детей. Дети лишаются принципиально важных для их эмоциональной жизни практик, когда в результате конфликта с персоналом, волонтеры вынуждены покинуть детский дом или временно пойти на компромисс, игнорируя потребности своих подопечных.

Взгляды на развитие ребенка, возникшие в результате следования различным биопсихологическим теориям детской привязанности и эмоций в России и на Западе, породили различные институциональные ландшафты, что подчеркивает важность эмоций для социальной политики. Развитие политики ухода в этой сфере требует глубокого понимания чиновниками и специалистами-практиками как эффектов советского опыта, так и существующих проблем. Особенно важно учитывать отражение правовых инноваций на взаимодействиях микроуровня в таких институтах, которые теперь регулируются согласно Постановлению № 481 Правительства РФ.

Tom Disney

ETHNOGRAPHIC PERSPECTIVES ON EMOTION IN A RUSSIAN ORPHANAGE

The latter half of the twentieth century saw the West largely pursuing policies of deinstitutionalisation in orphan care, with orphanages seen as spaces of extreme emotional deprivation capable of causing considerable harm to their inhabitants. Yet, large-scale institutionalisation of orphaned children persists in many countries across the globe. The Russian Federation is one such country that retains a large system of institutional care for orphaned children, and is the focus of this article. In considering the role of emotion in Russian orphan care it makes two contributions; first, it provides an overview of how the macro-institutional landscape of orphan care has been (de)constructed in the West and Russia through psychological theories of emotional attachment. Second, drawing upon the author's ethnographic work in a Russian orphanage for children with intellectual disabilities, it examines the importance of emotion in the lives of three groups (staff, volunteers, orphans), and how interpersonal relationships impact upon resident orphaned children. Through a consideration of the orphanage as a hybrid space, comprising a domestic and a work environment, this article builds upon existing work in social studies of childhood on the role of interpersonal emotions, such as fear in public spaces, and offers insights into the impact of such emotions on the lives of vulnerable children. This article reveals the ways emotional conflicts between staff and volunteers impact significantly upon the provision and quality of care for the resident children within this institution. Such ethnographic perspectives provide nuance to the literature on orphanages, which at present remains largely quantitative and bio-psychological and, thus, lacks an understanding of the everyday of such spaces. Finally, these contributions provide a window into the institutional worlds that the Russian government now seeks to adapt with recent changes in state social policy, and illustrates the challenges ahead in implementing these changes.

Key words: emotion, interpersonal relationships, institutional care for orphaned children, participant observation, Russia

DOI: 10.17323/727-0634-2017-15-3-407-420

References

- Ainsworth F., Thoburn J. (2014) An Exploration of the Differential Usage of Residential Childcare across National Boundaries. *International Journal of Social Welfare*, 23 (1): 16–24.
- Bowlby J. (1969) *Attachment and Loss Vol. 1: Attachment*, London: Hogarth Press.

Tom Disney – PhD, Research Fellow, Department of Social Work and Social Care, University of Birmingham, United Kingdom. Email: t.n.disney@bham.ac.uk

- Bowlby J. (1973) *Attachment and Loss Vol. 2: Separation, Anxiety and Anger*, London: Hogarth Press.
- Bowlby J. (1980) *Attachment and Loss Vol. 3: Loss, Sadness and Depression*, London: Penguin.
- Crockenburg S. (2008) How Valid are the Results of the St. Petersburg- USA orphanage Intervention Study and What do they Mean for the World's Children? *Monographs of the Society for Research in Child Development*, 73 (3): 263–270.
- Disney T. (2015) Complex Spaces of Orphan Care: A Russian Therapeutic Children's Community. *Children's Geographies*, 13 (1): 30–43.
- Flynn M., Oldfield J. (2008) Trans-national Approaches to Locally Situated Concerns: Exploring the Meanings of Post-socialist Space. M. Flynn, R. Kay, J. Oldfield (eds.) *Trans-National Issues, Local Concerns and Meanings of Post-Socialist Space – Insights from Russia, Central Eastern Europe, and Beyond*, New York: University of America Press: 1–21.
- Franklin C. (2014) Belonging to Bad: Ambiguity, Parramatta Girls and the Parramatta Girls Home. *Geographical Research*, 52 (2): 157–167.
- Griffiths M. (2014) The Affective Spaces of Global Civil Society and why they Matter. *Emotion, Space and Society*, (11): 89–95.
- Groark C., McCall R. (2011) Implementing Changes in Institutions to Improve Young Children's Development. *Infant Mental Health*, 32 (5): 509–525.
- Human Rights Watch (2014) *Abandoned by the State: Violence, Neglect, and Isolation for Children with Disabilities in Russian Orphanages*. Available at: <https://www.hrw.org/report/2014/09/15/abandoned-state/violence-neglect-and-isolation-children-disabilities-russian> (Accessed 18 October 2014).
- IJzendoorn M., Luijk M., Juffer F. (2008) IQ of Children Growing up in Children's Homes: A Meta-analysis on IQ Delays in Orphanages. *Merrill-Palmer Quarterly*, 54 (3): 341–366.
- Khlinovskaya Rockhill E. (2010) *Lost to the State – Family Discontinuity, Social Orphanhood and Residential Care in the Russian Far East*, New York: Berghahn Books.
- Kraftl P. (2013) *Geographies of Alternative Education – Diverse Learning Spaces of Children and Young People*, Bristol: Policy Press.
- Nikolaev M. (1990) Autobiography of an Orphan USSR. *Index on Censorship*, 19(10): 24–27.
- O'Sullivan J., McMahon M. (2006) Who will Care for me? The Debate of Orphanages versus Foster Care. *Policy, Politics, & Nursing Practice*, 7 (2): 142–148.
- Pain R. (2006) Paranoid Parenting? Rematerializing Risk and Fear for Children. *Social and Cultural Geography*, 7 (2): 221–243.
- Pantiukhina E. N. (2009) The Social and Pedagogical Protection of Orphans in Russia. *Russian Education and Society*, 51 (9): 40–50.
- Phillips S. D. (2009) 'There are no Invalids in the USSR!': A Missing Soviet Chapter in the New Disability History. *Disabilities Studies Quarterly*, 29 (3). Available at: <http://www.dsqrds.org/article/view/936/1111> (accessed 4 August 2017).
- Rutter M., Kreppner J., O'Connor T. (2001) Specificity and Heterogeneity in Children's Responses to Profound Institutional Privation. *British Journal of Psychiatry*, 179: 97–103.
- Schmidt V. (2009) Orphan Care in Russia. *Social Work and Society – International Journal Online*, 7(1). Available at <http://www.socwork.net/sws/article/view/44/101> (accessed 4 August 2017).
- Stryker R. (2012) Emotion Socialization and Attachment in Russian Children's Homes. *Global Studies of Childhood*, 2 (2): 85–96.
- Valentine G. (1997) 'Oh Yes I Can.' 'Oh No You Can't': Children and Parents' Understandings of Kids' Competence to Negotiate Public Space Safely. *Antipode*, 29 (1): 65–89.
- Vashchenko M., Easterbrooks M. A., Miller L. C. (2010) Becoming their Mother: Knowledge, Attitudes, and practices of orphanage personnel in Ukraine. *Infant Mental Health Journal*, 31 (5): 570–590.
- Wedel J. (1998) *Collision and Collusion: The Strange Case of Western Aid to Eastern Europe*, Basingstoke: Macmillan.